

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕДЕРМАНЪ Г.

Цена на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода . . . . . 3 » 50 »

На три мѣсяца . . . . . 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Полярныя страны. ЖЕ—ни.—II. Рыбакъ. (Стих.). Я. Полонскаго.—III. Русалка. **.—IV. Бабушка. — V. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой.—VI. Зыряне. ЖЕ—ни.

ПОЛЯРНЫЯ СТРАНЫ.

РКО свѣтитъ и жарко грѣтъ у насъ солнце, подъ его лучами распускаются и цвѣтутъ разнообразныя цвѣты, зеленѣютъ густая трава рощи и дремучіе лѣса, золотятся нивы засѣянные хлѣбными злаками; а есть страны, гдѣ солнце также свѣтитъ, да не такъ грѣтъ, грѣтъ оно такъ мало, что подъ его лучами почти ничего не растетъ.

Страны этѣ называются полярными или сѣвернымъ краемъ. *) По климату онѣ дѣлятся на двѣ полосы, на поясъ Арктическій и на сѣверный холодный. Арктическій поясъ лежитъ по ту сторону сѣвернаго полярнаго круга. Въ немъ находятся: Лапландія, Каѣинъ, двѣ тундры и острова: Калгуевъ, Новая Земля, Вайгачъ.

Берега сѣвернаго края мрачны и пустынные. На всемъ его протяженіи стоитъ только одинъ маленькій городокъ—Кола. Весной этотъ берегъ оживляется. Сюда прибываетъ множество промышленниковъ ловить рыбу: треску, палтусы и сель дей.

Между св. Носомъ и полуостровомъ Каниномъ Сѣверный океанъ вдается въ материкъ глубокимъ заливомъ, который называется Бѣлымъ моремъ. На Бѣломъ морѣ лежитъ

Оленій мохъ.

группа острововъ, на которыхъ производятся морскіе промыслы. Самые важные изъ нихъ сельдяные производятся на Соловецкихъ островахъ. Послѣ сельдянаго промысла, важна—ловля семги. Потомъ наваги, камбалы и другой рыбы. По берегамъ пустыннаго Канина живутъ самоѣды, бьютъ морскихъ зайцевъ, тевьяковъ, нерпу и моржей.

Зима въ арктическомъ поясѣ продолжается отъ 8 до 9 мѣсяцевъ. Море отъ сентября до половины іюля покрыто льдомъ; растительность жалкая, травы едва поднимаются надъ болотистой почвой, покрытой лишаями и мхами. Ягель или оленій мохъ единственная пища оленей, а исландскій мохъ, высушенный и истертый, прибавляется къ хлѣбу. О зем-

На сѣверѣ сѣверный край примыкаетъ къ Бѣлому морю и Сѣверному океану, на востокъ отдѣляется отъ Сибири пустыннымъ Ураломъ; на югъ проходитъ алауно-уральская гряда или увалы; на западѣ идутъ олонекія и финляндскія оры.

ледѣли нѣтъ и рѣчи. Изъ животныхъ тамъ живутъ: олени, бѣлые медвѣди, лисицы, летаютъ чайки, гагары, а въ морѣ плаваютъ тюлени и моржи.

Сѣтчатая ива.

Сѣверный или холодный поясъ занимаетъ все остальное пространство сѣвернаго края. Зима продолжается отъ 6 до

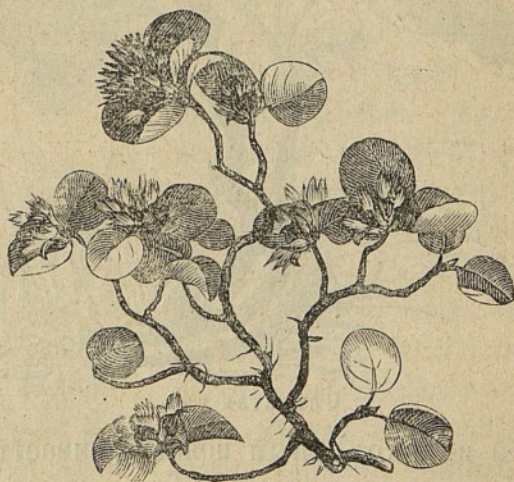

Черничная ива.

7 мѣсяцевъ, рѣки покрыты льдомъ отъ ноября до мая, весна короткая, самые жаркіе дни бываютъ въ іюлѣ, грозы рѣдки. Въ

этомъ поясѣ много зеленѣетъ хвойныхъ и березовыхъ лѣсовъ и растутъ въ нихъ морошка, земляника, черника, малина, клюква, можжевельникъ. Въ поляхъ сѣется рожь, ячмень, овесъ. Въ лѣсахъ водятся медвѣди, волки, лисицы, рыси, куницы, олени, кабаны, тетерева, куропатки, гуси, утки. Рѣки полны рыбъ. Скотоводство увеличивается и улучшается къ югу. Отъ Бѣлаго моря до Берингова пролива идетъ безконечная равнина, покрытая снѣгомъ. Мѣстами снѣгъ алѣетъ розовымъ цвѣтомъ, это крошечныя растенья, которыя точно порошокъ осыпаютъ снѣгъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ становится потеп-

Травяная ива.

лѣе, ледъ и снѣгъ мѣстами оттаявають, образуются лужи, земля покрывается свѣтло-зеленымъ мохомъ и лишаями. Изрѣдка встрѣчаются мѣста поросшія низкими кустами ивы.

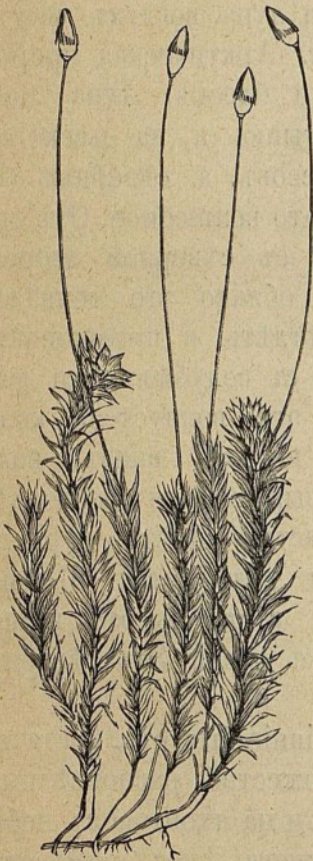
Дальше на сѣверъ, безбрежный Ледовитый океанъ. По этому океану носятся громадныя льдины въ видѣ скалъ, колоннъ, башенъ, сталкиваются другъ съ другомъ, разрушаются, дробятся, тонутъ и снова выдвигаются на поверхность, принимая оттѣнки цвѣта отъ бѣлаго до темно-синяго.

Далеко на сѣверѣ, почти у самаго Атлантическаго океана и Ледовитаго моря — группа льдистыхъ острововъ, одинъ изъ нихъ называется Шпицбергенъ. Берега его облегаютъ

льдины въ видѣ пещеръ гротовъ, лѣтомъ изъ нихъ бьютъ водопады, ихъ брызги, освѣщенные лучами солнца, сыплются точно драгоценные камни или образуютъ безчисленныя радуги, перекинутыя одна черезъ другія. Эти картины придаютъ всему какой-то фантастическій видъ. Льдины эти медленно двигаются, и когда теряютъ опору, то, распавшись на части, погружаются въ воду, снова выдвигаются и несутся по океану.

Съ наступающимъ короткимъ лѣтомъ Шпицбергенъ торопливо покрывается живописнымъ мохомъ, кукушкинымъ льномъ

Кукушкинъ ленъ.

и яркой зеленой травой, по которой распускается желтый макъ и разныя мелкія цвѣточки. Солнце не сходитъ съ горизонта нѣсколько недѣль; ночей нѣтъ совсѣмъ. Краски цвѣтовъ и зелени ослѣпительны отъ отблеска полуденнаго солнца и безмолвная страна оживляется стадами дикихъ гусей, утокъ, чаетъ, буревѣстниковъ, гагъ и другихъ птицъ. Онѣ выютъ по высотамъ скалъ свои гнѣзда и садятся на яйца. Птицы эти своимъ множествомъ застилаютъ воздухъ. Шумъ крыльевъ, крикъ разнообразныхъ голосовъ оглушаетъ, охотники не знаютъ въ которую стрѣлять. Водяныя птицы ныряютъ въ морѣ и хватаютъ рыбокъ и ракообразныхъ, бѣлыя куропатки, снѣговья овсянки и гуси питаются сѣменами растений. Сѣверные олени бродятъ по травѣ и по мху, а зимой вырываютъ мохъ изъ-подъ снѣга. Песцы лѣтомъ ѣдятъ птицъ и ихъ

лица, а на зиму роютъ себѣ глубокія норы въ землѣ. На льдахъ, окружающихъ эти острова, живутъ сѣверные медвѣди и питаются тюленями и моржами.

Съ октября наступаетъ зима, безъ переходной осени, такъ же какъ наступаетъ и лѣто безъ весны. Растительная жизнь прекращается, птицы улетаютъ, звѣри уходятъ. Дни становятся короче и короче, солнце едва поднимается отъ горизонта, свѣтитъ часъ, два и закатывается, и вотъ его совсемъ не видно, только алѣетъ заря—блѣднѣетъ, блѣднѣетъ—догорѣла, все охватываетъ глубокій мракъ и темнота непробудная. Наступила полярная ночь. На землѣ—снѣгъ и ледъ; на небѣ ни облачка, только звѣзды и луна, воздухъ чистъ и спокоенъ. Пустынность подавляющая. Арктическая природа является во всемъ своемъ величїи и блескѣ. Луна льетъ серебристый свѣтъ на снѣговую пустыню, и на нѣсколько миль ярко выступаютъ очертанія утесовъ, а сѣверныя сіянія превращаютъ всю страну во что-то волшебное. Отъ времени до времени на чистомъ небѣ, съ сѣверной стороны небо подергивается точно облакомъ, облако это темнѣетъ, темнѣетъ, а край его начинаетъ свѣтлѣть, и превращается въ свѣтлую, широкую арку бѣлую съ голубымъ или желтовато-зеленымъ отливомъ. Арка эта волнуется, колышется изъ стороны въ сторону, вверхъ, внизъ, наконецъ распадается и изъ разрывовъ вырываются разноцвѣтные огненные столбы, большей частью цвѣта пурпуроваго и зеленоватаго. Столбы эти колеблются и извиваясь взлетаютъ до середины неба, и въ высотѣ принимаютъ видъ кисти изъ разноцвѣтныхъ лучей. Это сѣверное, сіяніе.

Самое величественное сѣверное сіяніе бываетъ, когда изъ свѣтлой арки сразу вырывается множество разноцвѣтныхъ столбовъ, всѣ взлетаютъ выше зенита, и на яхонтовомъ небесномъ сводѣ является блестящій вѣнецъ, поддерживаемый разноцвѣтными трепетными столбами, и вся эта бездна свѣта волнуется какъ огненное море. А что дѣлается тогда на

земль! На землѣ всѣ предметы—холмы и возвышенія—будто дрожать въ чудномъ сіяніи, какъ бы изливающимся изъ ихъ вершинъ въ глубокой тишинѣ. Природа точно спитъ и ей снятся волшебныя видѣнья...

Ж—ни.

Р Ы Б А К Ъ.

Подражаніе Гете.

ОЛНА бѣжитъ, шумить, колышетъ
Едва замѣтный поплавокъ;
Рыбакъ поникъ и жадно дышетъ
Прохладой, глядя на потокъ.
Въ немъ сердце сладко замираетъ...
Онъ видитъ—женщина изъ водъ,
Ихъ разсѣкая, выплываетъ
Вся на поверхность, и поетъ—

Поетъ съ тоскою безпкойной:
„Зачѣмъ народъ ты вольный мой
Манишь изъ водъ на берегъ знойный
Приманкой хитрости людской?

Ахъ, еслибъ зналъ ты, какъ привольно
Быть рыбкой въ холодѣ рѣчномъ—
Ты бъ не остался добровольно
Съ холма слѣдить за поплавкомъ.

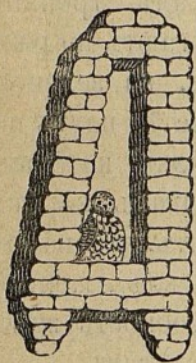
„Свѣтила любятъ, надъ морями
Склонясь, уйти въ пучину водъ:
Ихъ, надышавшихся волнами,
Не лучезарнѣй ли восходъ?
Не ярче ли лазурь трепещетъ
На персяхъ шепчущей волны?
Ты самъ—гляди, какъ ликъ твой блещетъ
Въ прохладѣ ясной глубины.“
Волна бѣжитъ, шумить, сверкаетъ...
Рыбакъ поникъ надъ глубиной.
Невольный жаръ овладѣваетъ
Въ немъ замирающей душой.
Она поетъ... рыбакъ не смѣло
Скользить къ водѣ... его нога
Ушла въ потокъ... волна вскипѣла—
И опустѣли берега.

Я. Полонскій.

РУСАЛКА.

Народное повѣрье.

О НАСТОЯЩАГО времени въ народѣ живо сохранилось повѣрье о водяныхъ дѣвахъ. Самое богатое и полное находится въ скандинавской миѳологіи, тамъ у царицы моря девять дочерей — дѣвъ волны, олицетворяющихъ девять валовъ морскаго теченія.

По ихъ повѣрью всѣ погибающіе въ морѣ увлекаются этими дѣвами на дно и живутъ въ подводныхъ палатахъ морской царицы.

Въ водяныхъ дѣвъ вѣрили и древніе греки, и германцы, и славяне. Въ повѣрьѣ русскихъ водяныя дѣвы извѣстны подъ названіемъ „Русалокъ“. Въ народѣ говорятъ, что эти водяныя красавицы выходятъ изъ воды при свѣтѣ мѣсяца и водятъ хороводы. Чаше же всего увѣряютъ, что ихъ видятъ на утренней зарѣ сидящихъ на берегахъ рѣкъ, озеръ, ручьевъ и даже у колодцевъ, и расчесывающихъ свои длинные волосы или какъ онѣ притаившись въ травѣ или кустарникахъ, орошенныхъ утренней росой, поджидаютъ дѣвушекъ, которыя въ эту пору ходятъ за водой, и только что завидятъ кого нибудь, такъ бросаются на него и бѣда неосторожному забывшему запа-

стись полынью или зарей — травами, которыя по народному повѣрью предохраняють отъ нападенія русалокъ. Водяная, набросившись, безпощадно щекочетъ или увлекаетъ въ воду.

По однимъ повѣрьямъ русалки живутъ подъ водой въ гнѣздахъ свитыхъ изъ перьевъ и соломы; у другихъ, — что у нихъ подъ водой вездѣ блеститъ серебро, жемчугъ и кораллы, а по дну, усыянному раковинами, журчатъ и катятся потоки и водопады черезъ хрустальные чертоги, украшенные алмазными и яхонтовыми колоннами.

На зеленой недѣлѣ *) въ народѣ опасаются ходить въ полночь по близости рѣкъ и даже ручейковъ — по повѣрью, въ это время русалки выбѣгаютъ изъ воды, поютъ, шумятъ, качаются на вѣткахъ, цѣпляются по деревьямъ или свернувшись клубомъ съ хохотомъ катаются по дорогамъ, тропинкамъ и по крапивѣ, а наканунѣ Духова дня бѣгаютъ по ржи и хлопаютъ въ ладоши. Въ Тульской губерніи, на зеленой недѣлѣ, женщины и дѣвушки, собравшись вмѣстѣ, идутъ на поля, засѣянные хлѣбомъ, и тамъ ловятъ русалку, которая, по ихъ мнѣнію, воруетъ у нихъ хлѣбъ. Русалкамъ вѣрятъ и на югѣ, и на самомъ дальнемъ сѣверѣ; вѣрятъ, что нѣкоторые изъ молодыхъ людей, увлеченныхъ подъ воду, женившись на водяныхъ дѣвушкахъ, получали способность жить на землѣ и въ водѣ; и передавали ее своимъ дѣтямъ.

Вотъ одно изъ разсказанныхъ намъ подобныхъ повѣрій.

Въ числѣ архангельскихъ промышленниковъ, оставшихся зимовать на Новой землѣ, **) былъ молодой человекъ по имени Иванъ Савельичъ. Оставшись одинокимъ въ своей избѣ, окруженной снѣгами, онъ при слабомъ свѣтѣ ночника и блескѣ сѣверныхъ сіяній, среди долгой ночи, прогонялъ скуку игрою на балалайкѣ. Однажды, заигравшись, онъ не замѣтилъ, какъ погасъ ночникъ и въ грустномъ забытіи про-

*) Недѣля передъ Троицинымъ днемъ.

**) На Ледовитомъ океанѣ.

должалъ играть въ потемкахъ. Вдругъ слышался ему легкій шорохъ. Прислушивается... кто-то пляшетъ легко, живо. Иванъ Савельичъ не вѣритъ ушамъ: онъ знаетъ, что въ избѣ, кромѣ его, никого нѣтъ; кому же плясать? Перестаетъ играть, пляска прерывается... Страхъ обдалъ его холодомъ. Начинаетъ онъ про себя творить молитву и, дрожа какъ листъ, высѣкаетъ огонь. Искры сыплются, ночникъ засвѣтился... Иванъ Савельичъ робко озирается, осматриваетъ всѣ уголки своего бѣднаго жилища: никого нѣтъ,—вездѣ пусто, тихо. Ставитъ ночникъ на мѣсто, и снова принимается за балалайку. Заигралъ веселую пѣсню... Тихо, пляски нѣтъ.

— Кому жъ плясать! мнѣ слышалось, думаетъ Иванъ Савельичъ; да я не трусливъ: нарочно загашу ночникъ! загасилъ—заигралъ „По улицѣ мостовой шла дѣвица за водой“; пляшутъ... точно... пляшутъ... легко, игриво, почти подлѣ него. Любопытство преодолеваетъ въ немъ страхъ: тихо протягиваетъ онъ руку, хочетъ поймать плясуна и хватаетъ воздухъ. Съ нами крестная сила!—бросилъ балалайку, вздулъ огонь, обѣгалъ всю избу — нѣтъ никого. Нѣсколько дней сряду повторяетъ онъ свой опытъ; заиграетъ въ темнотѣ—кто-то пляшетъ; засвѣтитъ огонь—перестанетъ. Иванъ Савельичъ рѣшился во что бы то ни стало поймать невидимку. Да какъ же поймать?—думалъ, думалъ и придумалъ: засвѣтилъ ночникъ, прикрылъ полой и заигралъ плясовую. Слышитъ: пляшетъ кто-то. Только что невидимка расходилась, Иванъ Савельичъ какъ отдернетъ полу, а передъ нимъ молоденькая, красивая дѣвушка, блѣдная какъ снѣгъ. Русые волосы, раскинутые по плечамъ, падали до земли.

— Кто ты? спросилъ ее изумленный Иванъ Савельичъ.

— Я... Русалка! отвѣчала она ему такъ тихо, что едва можно было слышать голосъ.

Онѣмѣлъ Иванъ Савельичъ, рука не поднимается перекреститься.

— Живу я, продолжала русалка, недалеко отъ Нижняго Новгорода. Отецъ мой былъ человѣкъ, а мать—русалка, живу

я въ водѣ и на землѣ, но только въ присутствіи одного человека. Будемъ жить нераздѣльно.

Иванъ Савельичъ самъ не свой отъ радости и условились они прозимовать вмѣстѣ. Все приняло другой видъ въ бѣдномъ жилищѣ промышленника съ того времени, какъ поселилась въ немъ водяная: вездѣ порядокъ и откуда что взялось. Въ свободное время отъ работы, Иванъ Савельичъ игралъ на балалайкѣ, а русалка весело передъ нимъ плясала. Зима прошла незамѣтно. Пришло время возвращаться въ Архангельскъ съ прочими промышленниками. Иванъ Савельичъ загрустилъ, задумался; русалка плачетъ, надо разстаться:

— Иванъ Савельичъ! пойдемъ въ воду! говоритъ ему русалка.

— Въ воду? какъ можно, мнѣ надо ѣхать въ Архангельскъ, отвѣчаетъ Иванъ Савельичъ.

— Что тебѣ въ Архангельскѣ, въ водѣ жить привольнѣе.

Жаль Ивану Савельичу разстаться съ русалкой и въ воду не хочется.

— Постой, подумаю, сказалъ онъ.

— Чего тутъ думать. Я не задумалась остаться съ тобою на землѣ. Когда-бъ ты зналъ что у насъ за жизнь. Не покидай меня, пойдемъ въ воду и она заливалась слезами.

— Слушай, сказалъ Иванъ Савельичъ; лучше приходи ты ко мнѣ въ Архангельскъ. Въ Архангельскѣ мнѣ дѣло теперь. Надо честно разсчитаться съ хозяиномъ. Приходи!

— Нельзя, никакъ нельзя! отвѣчала, рыдая, русалка.

Горестъ ея тронула Ивана Савельича.

— А гдѣ мнѣ найти тебя?

— Приѣзжай въ Нижній; тамъ, недалеко отъ города, лѣсомъ течетъ рѣчка и впадаетъ въ Волгу. Въ этомъ мѣстѣ ты увидишь омутъ, а надъ нимъ большое дерево. Ровно въ полдень или въ полночь ты съ этого дерева, не крестясь, бросься въ омутъ, а тамъ я тебя встрѣчу.

— Посмотримъ, сказалъ Иванъ Савельичъ. Утѣшенная русалка обняла его и исчезла.

Возвратившись въ Архангельскъ, Иванъ Савельичъ не долго пожилъ дома: тоска одолѣла его. Вездѣ ему чудится русалка. Грустная, она зоветъ и манить его къ себѣ.

— Боже ты мой, Господи! говорилъ онъ;—это не жизнь, а наказанье!... Пропадай душа! брошусь въ омутъ, и поминай какъ звали!

Вотъ поѣхалъ онъ въ Нижній Новгородъ, пошелъ по Волгѣ отыскивать рѣчку, о которой говорила ему русалка, входитъ въ лѣсъ, вотъ и рѣчка, вотъ и омутъ и дерево надъ нимъ раскинулось. Иванъ Савельичъ, не переводя духа, взлѣзаетъ на дерево, всматривается въ глубину. Волны шумятъ: въ нихъ какъ будто мелькаетъ умоляющій призракъ, манить его знакомымъ привѣтомъ, дробится, исчезаетъ. Вотъ, кажется, всплываетъ длинная коса: нѣтъ, это стелятся водяныя растенія. Вотъ, точно нѣжная рука разсѣкла воду. Всматривается: это мелькнула рыба и исчезла въ глубинѣ. Иванъ Савельичъ тяжело вздохнулъ, взглянулъ на небо. Солнце горитъ жарко и высоко.

— Бросаться въ воду или нѣтъ? думаетъ онъ. Русалка говорила не дастъ утонуть. Попробуемъ нырнемъ, была не была, а можетъ и живъ останусь. Вотъ и полдень, сказалъ онъ, невольный трепетъ пробѣжалъ по его членамъ. Волны звучно зажурчали какимъ-то призывомъ. Иванъ Савельичъ подымаетъ руку: хочетъ перекреститься, да нельзя. Сердце сжалось, дыханіе замерло, и онъ бухъ въ омутъ. Съ шумомъ разступились волны, слились, далеко разбѣжались кругъ за кругомъ и рѣка течетъ по прежнему. Что жъ Иванъ Савельичъ? Тихо качаясь на зыбкой волнѣ, погружается онъ все глубже, и глубже, и опустился на дно. Зажмурясь, притаивши дыханье, не смѣетъ онъ пошевелиться, и только мало по малу рѣшается открыть глаза... смотреть: надъ нимъ сводъ воды, сквозь него радугами прорѣзываются лучи солнца, по блестящему песку катятся прозрачныя волны, бьютъ ключи, струйки журчатъ и шелестятъ тростникомъ; а изъ тростника выглядываютъ какія-то чудныя, блѣдныя дѣвушки;

по водянымъ травамъ и цвѣтамъ, переплетаясь руками, онѣ водятъ хороводъ, и поютъ пѣсни такимъ звонкимъ голосомъ, точно какъ бы вода плескается на хрусталь. Иванъ Савельичъ всматривается въ лица русалокъ, ищетъ знакомую свою: вдругъ хороводъ разрывается и одна изъ дѣвушекъ бѣжитъ къ нему, вскрикнула и обвила его руками. Восклищаніе отозвалось подъ водою.

Всплеснулись волны, зажурчали струи со всѣхъ сторонъ, русалка хохочетъ и плачетъ, и рѣзвится какъ дитя. Долго ли прожилъ Иванъ Савельичъ подъ водою, самъ не знаетъ; но какъ-то, востосковавшись по землѣ, онъ сотворилъ крестное знаменье; очнувшись, и увидѣлъ себя на своей квартирѣ въ Нижнемъ Новгородѣ на постелѣ. За великую тайну рассказывалъ онъ это происшествіе только самымъ короткимъ пріятелямъ. И рѣдко кто сомнѣвался въ истинѣ словъ Ивана Савельича; сбылось ли это съ нимъ въ самомъ дѣлѣ—или болѣзнь огневица *), онъ и самъ себѣ не можетъ дать отчета, ласкалась въ видѣ русалки, увлекала въ гробъ; но жизнь вспыхнула въ немъ грустью по землѣ, онъ перекрестился—и выплылъ изъ объятій смерти на Божій свѣтъ.

* * *

---

*) Горячка.

БАБУШКА.

X.

Открытие.

ДИДРИХЪ, измученный горемъ, чувствовалъ полный упадокъ силъ. Здоровье его разстроивалось. Дети видѣли это ясно и страдали. Консульша день ото дня становилась ворчливѣе и сердитѣе. Она чувствовала, что въ домѣ не по-прежнему и мысленно упрекала сына въ скупости и другихъ недостаткахъ. Дидрихъ кротко переносилъ все.

Однажды Лина слышала, какъ бабушка жаловалась на ея отца, поспѣшно встала съ своего мѣста, подошла къ бабушкѣ, и сказала съ жаромъ:

— Папа добръ, вы не знаете какъ онъ добръ. Если бы я только смѣла говорить! Другіе люди злы, и потому у насъ не такъ хорошо, какъ было прежде. Знаете ли вы, бабушка, продолжала малютка голосомъ, прерывающимся отъ рыданій, папа ужасно похудѣлъ и скоро умретъ. Если бы вы его видѣли, такъ испугались бы и не бранили бы его больше. Онъ горе скрываетъ.

— Что ты тамъ болтаешь глупенькая! сказала консульша, удивленная смѣлостію робкаго ребенка.

— О я не такъ глупа, какъ вы думаете, бабушка! говорила Лина со слезами, я знаю больше вашего; я знаю, что злые люди въ Америкѣ обманули папу на много и мы обѣднѣли, наша мебель не у столяра, а серебро не у серебряника. Папа запретилъ намъ сказывать объ этомъ, чтобъ не огорчить васъ. А вы каждый день огорчаете милаго, добраго папу.

— Какъ, неужели ты говоришь правду, дитя мое? спросила испуганная консульша.

— Конечно, правду, отвѣчала Лина съ досадой, чтобы не потревожить васъ, мы должны были привыкать къ неправдѣ. Да, да, бабушка. Когда мы ѣли картофель, то должны были дѣлать видъ, что ѣдимъ жареную рыбу и стучать ложками по тарелкѣ, какъ будто въ ней супъ. Папа уже давно не пьетъ у васъ шоколада, а выливаетъ въ шоколадницу, чтобы вамъ доставало на два дня. Ни одной трубки табаку онъ не куриваетъ и ни одной капли вина не пьетъ, чтобы вамъ ни въ чемъ не было недостатка. И еще многое онъ дѣлаетъ.

— Боже мой! Боже мой! ты пугаешь меня, дитя мое.

— Да, этого-то и боялся папа, возразила Лина. Вы бранили добраго Либерта, а онъ на трудовые свои талеры выкупилъ у злаго Пинкерта музыкальный ящикекъ, чтобы васъ утѣшать.

— Пинкертъ? Выкупилъ? спрашивала консульша остолебѣвъ, кто это Пинкертъ? какъ попалъ къ нему музыкальный ящикъ?

— Станціонный писарь называетъ его пѣвкой и акулой. Онъ далъ папѣ взаймы денегъ, а за это взялъ мебель, серебро, картины съ музыкой. Онъ было хотѣлъ взять и ваши вещи, да папа не допустилъ.

Консульша всплеснула руками.

— Боже мой! говорила она, зачѣмъ сынъ все это скрывалъ отъ меня, зачѣмъ не говорилъ мнѣ?

— То же самое говоритъ и Пинкертъ, возразила Лина. Онъ утверждалъ, что у васъ много денегъ и вы могли бы

вывести папу изъ бѣды. Но папа сказалъ, что вамъ это будетъ стоить жизни, а онъ не хочетъ этого.

— Бѣдный сынъ мой! какъ несправедлива я была къ тебѣ!

— Дитя! отведи меня скорѣе къ отцу твоему, сказала консульша.

— Вы ничего ему не скажете? спросила Лина, испугавшись. Ахъ! милая, добрая бабушка, не говорите, что я вамъ все открыла?

— Отведи меня, повторила рѣшительно консульша.

Лина послушалась, заливаясь слезами.

Въ то время, какъ консульша была перепугана рассказами Лины, Дидрихъ не менѣе былъ испуганъ извѣстнымъ свистомъ, раздавшимся изъ бесѣдки. Онъ какъ бы невидимой силой вызывалъ Дидриха изъ его кабинета въ бесѣдку сада. Дидрихъ поблѣднѣлъ, ноги подкашивались. Одна-коже пошелъ.

— Что еще надобно этому ужасному человѣку? мрачно говорилъ онъ, жертвами купилъ я отсрочку на четыре недѣли.

— Для чего я васъ пригласилъ сюда? сказалъ Пинкертъ негоціанту, спросить васъ: признаете ли вы эту бумагу дѣйствительною? и показалъ пораженному Дидриху вексель въ двѣсти талеровъ, который тотъ далъ отъ себя нюрембергской конторѣ и которому срокъ въ этотъ день оканчивался.

— Какъ попалась къ вамъ эта бумага? спросилъ изумленный Дидрихъ.

— Это васъ не касается, возразилъ холодно ростовщикъ. Вы видите, онъ переведенъ на мое имя, и намѣрены ли вы заплатить по немъ!

— Теперь не могу, возразилъ тихо Дидрихъ.

— Я жду давно, сказалъ ростовщикъ насмѣшливо, и готовъ терпѣть до четырехъ часовъ пополудни. Можете къ тому времени приготовить деньги?

— Не могу, сказалъ Дидрихъ, покачавъ головою.

— Ну такъ я велю васъ задержать, сказалъ ростовщикъ.

— Я не буду вамъ противиться, сказалъ Дидрихъ съ отчаяннымъ спокойствіемъ.

Въ эту минуту по лѣстницѣ раздались шаги.

Ни ростовщикъ, ни Дидрихъ, взволнованные разговоръ, ихъ не слышали.

— Я пойду за вами. Такимъ образомъ, мы не обратимъ на себя вниманія.

Ростовщикъ, увидѣвши рѣшимость Дидриха, сказалъ:

— Есть средство отсрочить этотъ долгъ. Пусть ваша матушка поручится за васъ.

— Никогда! вскричалъ Дидрихъ рѣшительно, не втяну бѣдную слѣпую мать въ свою гибель.

— Что она слѣпа, въ томъ нѣтъ сомнѣнья, возразилъ ростовщикъ съ насмѣшкой, а чтобъ была бѣдна — сомнительно; но полно говорить пустяки, идите за мною.

Въ ту минуту, когда они хотѣли выйти изъ бесѣдки, дверь растворилась и вошли Оеда, Адольфъ и Юлія, на лицахъ ихъ выражался величайшій ужасъ.

— Батюшка! вскричала Юлія, обнявши его. Не оставляйте насъ!

— Сжальтесь, г. Пинкертъ, говорилъ умоляющимъ голосомъ Оеда, сжавши руки.

— Возьмите все, что у насъ есть, добавилъ Адольфъ, только оставьте батюшку.

— Мнѣ пріятно, что вы пришли сюда, сказалъ тронутый Дидрихъ, но я долженъ идти съ Пинкертомъ и скоро возвращусь. Скажите матушкѣ, что я по дѣламъ принужденъ былъ внезапно отправиться въ дорогу.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, вскричали дѣти, тебя ведутъ въ темницу. Адольфъ все слышалъ.

— Ну если вы знаете, такъ нечего и говорить, возразилъ отецъ съ твердостію. Повѣрьте, дѣти, въ темницѣ участь моя будетъ не хуже, нежели дома. Прощайте, дѣти, слушай-

тесъ бабушки и надѣйтесь на Бога, Онъ никогда не посылаетъ намъ испытанія выше силъ нашихъ.

— Либертъ! Либертъ! Сюда! закричала Юлія, увидавши въ растворенную дверь станціоннаго писаря.

— Сюда поскорѣй! помогите.

Старикъ скорыми шагами прибѣжалъ на зовъ.

— Что такое? спросилъ онъ, входя въ бесѣдку.

— Спасите батюшку, кричали дѣти. Г. Пинкертъ ведетъ его въ темницу.

Яростный взглядъ упалъ на торжествующаго ростовщика; въ ту же минуту онъ сильными руками схватилъ ростовщика за горло и вскричалъ громовымъ голосомъ:

— Ахъ ты кровожадная тварь! Я тебя удушу...

Вдругъ руки его опустили горло ростовщика и гнѣвъ замѣнился смущеніемъ.

— Кровожадная тварь! ворчалъ онъ, нѣтъ, не такъ кровожаденъ звѣрь, я хотѣлъ сказать, проклятый! Это пустяки! меня совсѣмъ разстроили. Пинкертъ—шіявка въ видѣ чловѣка, ядовитый грибъ! вампиръ! я съ ума сойду.

Смущенный писарь замолчалъ.

Въ эту минуту Лина ввела въ бесѣдку слѣпую консульшу. Ея появленіе какъ громомъ поразило присутствующихъ, исключая ростовщика.

— Сынъ мой! начала консульша серьезно, но ласково, ты поступилъ несправедливо, скрывши отъ меня настоящее свое положеніе; ты не имѣлъ довѣрія къ матери, и я только сейчасъ узнала отъ этого ребенка о твоёмъ несчастіи.

— Я тоже ему говорилъ, началъ ростовщикъ торжественно. Теперь идетъ рѣчь о пустомъ векселѣ въ двѣсти талеровъ. Не правда ли, г-жа консульша, вы поручитесь въ его уплатѣ.

— Я не поручусь, строго возразила консульша,—я уплачу. Я хочу выкупить мебель и серебро моего сына, картины съ часами и съ музыкой и все, что находится въ рукахъ вашихъ. Сколько вамъ слѣдуетъ?

— Я долженъ прежде свести счетъ, возразилъ ростовщикъ, вывозъ мебели за-границу я долженъ также поставить въ счетъ.

— Если вы намѣрены представить излишнія требованія, предупредила его слѣпая, то можете владѣть нашимъ имуществомъ, я похлопочу о новой мебели и другомъ серебрѣ. Деньги по этому векселю и тѣ, которыя вамъ долженъ сынъ мой, можете получить черезъ часъ.

— Ахъ! достойнѣйшая г-жа консульша, сказалъ восхищенный станціонный писарь, я отъ радости готовъ поцѣловать вашу ручку.

— Вы тоже здѣсь, любезный другъ, сказала ласково консульша, я и у васъ въ долгу. Ну! объ этомъ послѣ, теперь, сынъ мой, пойдемъ въ мою комнату, тамъ ты объяснишь мнѣ положеніе твоихъ дѣлъ.

Лицо Лины просвѣтлѣло.

Дидрихъ подробно объяснилъ свои обстоятельства матери и разсказалъ, что всѣ должники въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, сдѣлавшись несостоятельными, повлекли за собою паденіе многихъ нѣмецкихъ конторъ, которыя то же были должны ему значительныя суммы.

— На послѣднія деньги, полученныя мною отъ сѣверо-американцевъ, продолжалъ онъ, я купилъ гуртоваго товара, который и прибылъ счастливо въ Гамбургъ; но здѣсь его задержали тѣ конторы, которымъ я задолжалъ восемь тысячъ талеровъ.

Когда Дидрихъ сдѣлалъ вѣрный счетъ своихъ долговъ, консульша сказала:

— Сынъ мой! твой покойный отецъ оставилъ мнѣ двадцать тысячъ талеровъ золотомъ съ тѣмъ, чтобы я ихъ употребила въ самомъ крайнемъ случаѣ для тебя или для меня. Этотъ случай теперь представился, четыре тысячи червонцевъ будутъ достаточны, чтобы удовлетворить ростовщика Пинкерта, выкупить у него твои вещи и возстановить упавшій кредитъ твой, восемнадцать или двадцать тысячъ та-

леровъ я отправлю въ вѣрную контору Гаммеръ и Смитъ въ Лейпцигъ, чрезъ нее удовлетворимъ твоихъ заимодавцевъ и они вступятъ снова въ сношенія съ тобою. Завтра Фидлеръ отправляется съ товарами въ Лейпцигъ, и я, пользуясь этимъ случаемъ, отправлю деньги.

— Но, любезная матушка, сказалъ сынъ, не вѣрнѣ ли будетъ, если я самъ отправлюсь съ ними, или отошлю такую значительную сумму по почтѣ.

— Нѣтъ, сынъ мой, возразила слѣпая, тебѣ ни подъ какимъ видомъ нельзя отсюда отлучиться, а то скажутъ, что ты скрылся отъ долговъ. Почта не можетъ быть вѣрнѣ Фидлера, я готова довѣрить ему сотни тысячъ. Ящикъ съ золотомъ уложится позади тяжелой поклажи, украсть его будетъ невозможно. Такъ дѣлалъ отецъ твой, а онъ былъ дѣльный негоціантъ. Сверхъ того, это доставитъ доходъ мужу моей вѣрной Ульрики.

Дидрихъ не возражалъ болѣе, но никакъ не могъ преодолѣть дурнаго предчувствія. Пинкертъ получилъ въ назначенное время свой долгъ и обѣщалъ доставить счетъ заложеннымъ вещамъ. Нужда удалилась изъ дома Дидриха. Бабушку чуть не носили на рукахъ, сынъ и внуки окружали ее благодарностію. Станціонный писарь сдѣлался самымъ пріятнымъ гостемъ. Однажды, сидя за столомъ, подъ салфеткой онъ нашелъ свертокъ съ четырьмя червонцами — это была уплата за выкупленный имъ ящикъ съ музыкою.

— Только одного не достаетъ намъ, сказалъ Адольфъ тихонько Юліи, доброй Стефаніи. Юлія движеніемъ головы показала, что она съ нимъ согласна.

Лампада жизни снова пылала.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

XXIV.

Выстрѣлъ.—Нырокъ.—Прощанье съ островомъ.

ВСПОМНИЛЪ себя отъ волненія и восторга при видѣ моего милаго острова. Я ясно различалъ очертаніе двухъ горъ и съ радостными слезами благодарилъ Провидѣніе. Было три часа утра, я вспомнилъ, что друзья мои обыкновенно вставали не ранѣе шести часовъ, поэтому надѣялся пріѣхать еще до ихъ пробужденія, провести шкуну между рифомъ и лагуной, и стать прямо противъ нашего жилища.

Когда я поднималъ черный флагъ на шкунѣ, у меня мелькнула мысль извѣстить друзей о моемъ возвращеніи пушечнымъ выстрѣломъ. Дуль попутный вѣтеръ, шкуна быстро летѣла, проскользнула въ лагуну прямо къ подводному саду, сдѣлала быстрый, граціозный поворотъ и остановилась передъ нашей бесѣдкой. Въ ту же минуту грянулъ пушечный выстрѣлъ... я салютовалъ друзей и горы та-

кимъ залпомъ, который пробудилъ по всему острову дремавшее эхо.

Не менѣе эффектно раздался трескъ, съ которымъ полуодѣтый Петеркинъ выскочилъ изъ хижины, онъ широко раскрылъ глаза отъ изумленія и страха, взглянувъ на шкуну и бросился въ кусты какъ дикая кошка. Черезъ минуту Джекъ продѣлалъ ту же самую штуку.

— Эй, крикнулъ я, почти обезумѣвъ отъ радости, что-о! Петеркинъ! Джекъ! это я!

Они остановились, я повторилъ крикъ, они узнали мой голосъ и пустились къ берегу. Я сбросилъ куртку и прыгнулъ за бортъ въ то мгновеніе, какъ Джекъ кинулся въ море; мы обнялись подъ водою и выбрались на поверхность, гдѣ Петеркинъ плескался какъ утенокъ, смѣясь и плача, и глотая соленую воду.

Нѣтъ словъ описать, что мы почувствовали, обнимаясь на берегу въ нашихъ мокрыхъ платьяхъ и мѣняясь восторженными восклицаніями.

Три дня мы не могли придти въ себя. Петеркинъ закармлилъ меня свининой, таро, хлѣбными плодами, смоквами, сливами, картофелемъ и кокосовыми орѣхами, пока я рассказывалъ удивительныя приключенія; они были встревожены и жалѣли объ участи Аватеи; Петеркинъ не могъ помириться съ мыслию, что бѣдная дѣвушка будетъ превращена въ длинную свинью, а Джекъ сокрушался, что не размозжилъ голову Тараро и надѣялся сдѣлать это впослѣдствіи.

Я попросилъ ихъ рассказать, что было съ ними во время нашей разлуки.

— Когда я увидалъ, говорилъ Джекъ, разбойничье судно, то, не видя тебя, подумалъ, что пираты увезли тебя, и слѣдилъ за нимъ, пока оно не скрылось изъ вида. Клянусь, Ральфъ, потомъ я пролилъ слезъ больше чѣмъ во всю свою жизнь.

Мы долго разсуждали съ Петеркинымъ о твоёмъ исчезновеніи, горевали и рѣшили обыскать весь островъ, чтобы

увѣриться точно ли ты убить, осмотрѣвши убѣдились, что ты увезенъ приходившей шкуною.

Спустя немного времени, мы увидали среди скаль небольшой боченокъ, взяли его и нашли въ немъ порохъ.

— Это я его отправилъ вамъ, сказалъ я съ улыбкой.

Петеркинъ такъ и предположилъ, хотя я сомнѣвался.

Безъ тебя островъ намъ опостылѣлъ и мы только и дѣло что стерегли корабли, въ надеждѣ на немъ удалиться; но ты вернулся и мы заживемъ по прежнему. А такъ какъ у насъ въ распоряженіи прекрасная шкуна, то не посѣтитъ ли намъ нѣкоторые изъ острововъ Тихаго океана.

— Именно это я и хотѣлъ вамъ предложить, сказалъ Петеркинъ.

— Въ такомъ случаѣ отправимтесь на островъ, гдѣ живетъ Аватея, и какъ рыцари заступимтесь за ея права, сказалъ Джекъ.

— На меня рассчитывай, отвѣтилъ Петеркинъ. Мы стали готовиться къ путешествію и съ нетерпѣніемъ ждали часа похода. Такъ какъ шкуна была нагружена всякаго рода съѣстными запасами, то мы прибавили къ нимъ только запасъ кокосовыхъ орѣховъ, таро, сливъ и картофелю.

Когда все было готово, мы простились съ нашимъ милымъ островомъ, бросили послѣдній взглядъ на долину, отмели, лѣса, лагуну, коралловый рифъ, нырнули въ нашъ подводный садъ, осмотрѣли водоемъ—онъ былъ въ превосходномъ положеніи—вода прозрачна, какъ хрусталь, въ ней сверкали ярко-красныя, желтыя, зеленыя водоросли, полосатыя анемоны, морскія звѣзды, ежи и другія животно-растенія, а крабы были по прежнему дерзки и воинственны.

Затѣмъ собравши все, чѣмъ мы запаслись на островѣ, отнесли ихъ на лодку, и вырѣзали на маленькой дощечкѣ наши имена въ слѣдующемъ порядкѣ:

Джекъ Мартинъ.

Ральфъ Роверъ.

Петеркинъ Гей.

Дощечку эту мы прибили внутри нашего жилища; потомъ переправились на лодкѣ къ шкунѣ и снялись съ якоря, на закатѣ солнца. Попутный вѣтеръ быстро понесъ насъ и вскорѣ нашъ островъ вмѣстѣ съ солнцемъ точно погрузились въ волны Тихаго океана.

XXV.

Путешествіе.—Острова.—Крысы и кошки.—Туземный учитель.—Ужасныя открытія.—Благотворное вліяніе христіанства.

Послѣ трехъ недѣль благополучнаго плаванія, мы прибыли къ острову Манго. Билль говорилъ мнѣ, что на южной сторонѣ этого острова, среди немногочисленнаго племени, поселились методисты. Одного изъ туземцевъ, принявшаго христіанство, они приготовили учителемъ образованной ими школы, затѣмъ черезъ него убѣдили принять христіанство и начальника этого племени, за что Тараро, ненавистникъ христіанства, возненавидѣлъ этого начальника.

— Жаль, сказалъ Джекъ, что христіанское племя такъ малочисленно, оно будетъ не въ состояніи защитить насъ отъ Тараро.

— Конечно, отвѣчалъ я.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ Джекъ, переѣдемъ на южную сторону острова и бросимъ якорь передъ христіанскимъ селеніемъ и тамъ обдумаемъ что намъ дѣлать прежде нежели язычники узнаютъ о нашемъ прибытіи.

— Быть не можетъ, сказалъ Петеркинъ, заложивъ руки въ карманы, чтобы Тараро съѣлъ насъ, напротивъ, думаю, онъ будетъ радъ сдѣлать намъ всякія одолженія.

— Ну! не надѣйся на благодарность дикаря, замѣтилъ я.

Мы прибыли къ южному острову около заката солнца. Отъ берега отчалилъ челнокъ и изъ него вошелъ къ намъ на палубу туземецъ лѣтъ сорока, съ кроткимъ видомъ, одѣтый въ европейскій костюмъ. Снявъ съ головы соломенную шляпу,

онъ подошелъ къ Джеку, поклонился вѣжливо и пожалъ ему руку, говоря.

— Здравствуйте, господа, милости просимъ, сердечно рады васъ видѣть.

— Отвѣтивъ на его поклонъ, Джекъ сказалъ, вы вѣроятно тотъ учитель, о которомъ мы слышали.

— Точно такъ, я имѣю счастье быть здѣсь служителемъ Иисуса Христа.

— Именно васъ-то и надобно, сказалъ Джекъ и попросилъ его войти въ каюту, а матросы мои займутся вашей свитой, продолжалъ онъ, указывая на насъ.

— Хорошо, замѣтилъ Петеркинъ, если мы его матросы, угостимъ дикарей на славу и, заложивъ руки въ карманъ, крикнулъ.

— Эй вы ребята! сюда! живо! дикари съ изумленіемъ смотрѣли на все, стоя на палубѣ, вотъ вамъ, продолжалъ онъ, вода и сухари, а самъ прохаживаясь по палубѣ насвистывалъ какую-то арію.

Черезъ полчаса Джекъ и учитель вышли на палубу и распростились.

Шкуна наша стала медленно приближаться къ берегу. Джекъ объявилъ намъ, что Аватея еще на островѣ и желаетъ принять христіанство, но Тараро не дозволяетъ, что она хочетъ выйти замужъ за одного молодого христіанина, начальника острова, лежащаго отъ этого острова въ пятидесяти миляхъ. Мы пріѣхали въ самое время. Начальники острововъ въ войнѣ и послѣ завтра произойдетъ жестокая битва.

Селенье, у котораго мы бросили якорь, было раскинуто на миломъ въ обширной долинѣ, не далеко отъ берега, окаймленномъ тѣнистыми деревьями, умѣрявшими ослѣпительный блескъ моря. Посреди селенья пролежала широкая улица, окаймленная съ обѣихъ сторонъ кустами чайнаго дерева, нѣжные цвѣты котораго придавали дивную прелесть всей картинѣ. Деревья эти освѣняли миловидные, чистые домики, передъ каждымъ изъ нихъ находились садики съ красиво разбитыми дорожками, убитыми бѣлыми и черными камушками.

Двери и окна домиковъ были выкрашены черной и красной краской, рѣзко отдѣлявшейся отъ бѣло оштукатуренныхъ стѣнъ. На возвышенномъ мѣстѣ стояла церковь, въ которой могло помѣститься болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Въ церковь вели шестеро дверей, а освѣщало двѣнадцать венеціанскихъ оконъ. Строили церковь туземцы своими каменными и деревянными топорами и другими своего рода орудіями, не употребивши ни одного желѣзнаго гвоздя. Въ этой очаровательной мѣстности все дышало миромъ, спокойствіемъ и довольствомъ. Видя все это, мы дивились цивилизующему вліянію христіанства.

Высадившись на берегъ, мы были радушно приняты учителемъ и его женой, одѣтой по европейски просто и со вкусомъ. Сотни туземцевъ босыхъ, но прикрытыхъ туземною тканью, были разсыпаны по берегу. Введя насъ въ свой домикъ, учитель угостилъ различными плодами и жареной свининой. Все было очень хорошо, только крысы надоѣли безмѣрно, онѣ бѣгали по комнатамъ точно домашнія животныя. Одна изъ крысъ выглянула изъ-подъ скатерти—Петеркинъ угостилъ ее сапогомъ въ морду, и воскликнулъ.

— Отчего вы, учитель, не ставите западни крысамъ. Неужели вы ихъ любите?

— Мы бы съ радостію избавились отъ ихъ, да если бы стали ловить крысъ, то это заняло бы все наше время.

— Развѣ здѣсь такъ много крысъ? спросилъ Джекъ.

— Пропастъ. Язычники ихъ ѣдятъ, а христіане не ѣдятъ. Миссіонеръ, бывшій здѣсь, выразилъ къ этой пищѣ отвращеніе.

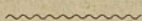
Пока мы обѣдали, двое слугъ отгоняли со стола крысъ.

— Какъ жаль, что у васъ нѣтъ кошекъ, замѣтилъ Петеркинъ.

— Мы бы были рады кошкамъ, отвѣчалъ учитель, но добыть ихъ трудно. У насъ крысъ много истребляютъ свиньи, сказалъ, добродушно улыбаясь, учитель.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗЫРЯНЕ.

БРЯНЕ *) изстари отличные звѣроловы, чему способствовали обширные лѣса, наполненные звѣрями разнаго рода. Издавна они ходили за промыслами въ край Зауральскій и приносили оттуда драгоцѣнныя шкуры: бобровъ, лисицъ, собакъ, выдръ, куницъ, рысей и идоламъ своимъ посвящали часть наловленныхъ звѣрей, навѣшивая на деревья.

Христіанскую вѣру между зырянами распространилъ св. Стефанъ, въ половинѣ XIV вѣка. Переведа на зырянскій языкъ Псалтырь, избранныя мѣста изъ Евангелія и Апостола, взявъ благословеніе у московскаго митрополита и грамоту у великаго князя, Стефанъ сталъ проповѣдывать слово Божіе на берегахъ р. Вычегды. Многіе крестились; но жрецы-кудесники возмущали народъ противъ него.

Въ настоящее время путешественники рассказываютъ, что рѣдко гдѣ можно встрѣтить такія великолѣпныя церкви и такую набожность, какъ въ зырянскихъ деревняхъ. Почти въ каждой значительной деревнѣ каменная церковь съ громкимъ звономъ, съ громкимъ, согласнымъ пѣніемъ на два клироса, съ звонкими голосами діаконовъ, съ иконостасами, изукрашенными сверху до низу образами въ серебряныхъ, позоло-

*) Въ настоящее время зыряне населяютъ губерніи: Пермскую, Вятскую, Вологодскую и Архангельскую.

ченныхъ ризахъ, облитыхъ свѣтомъ свѣчей; и съ духовенствомъ въ глазетовомъ облаченіи. Церкви всегда полны народомъ. По старому обычаю, мужчины стоятъ на правой сторонѣ, женщины на лѣвой.

Зыряне очень гостепріимны и хлѣбосольны; немногіе рѣшаются взять съ пріѣзжаго за ночлегъ или за хлѣбъ-соль.

Вотъ что рассказываетъ Максимовъ о гостепріимствѣ зырянъ, когда былъ въ зырянскомъ селѣ Ижмѣ. „Радужно встрѣчаетъ меня хозяинъ отводной квартиры, не позволяетъ пить моего чаю. Тащитъ, суетяся, какъ угорѣлый, снизу нѣсколько тарелокъ: съ баранками, съ изюмомъ, съ пряниками, съ кедровыми орѣхами—меледой, откуда-то беретъ бутылку хересу, графинъ водки и все это проситъ потреблять вмѣстѣ, валитъ въ кучу. Наливаетъ густаго, какъ пиво, чаю, проситъ сахаръ класть въ стаканъ и какъ можно больше—не жалѣть; приноситъ самыя густыя сливки. На другой день съ утра являются одинъ за другимъ сѣдые, почтенные старики, просятъ отвѣдать ихъ хлѣба—соли, потомъ встрѣчаютъ на крыльцѣ, и опять суетятся привѣтливо и, видимо, чистосердечно; не зная чѣмъ угостить, ставятъ на столъ осетрину—диковину своего края, изъ дальней Сибири, съ Оби, вареные оленье языки, оленье губы, удивительно вкусныя, и квасъ, какъ лакомство, замѣняющее здѣсь невѣдомое пиво.

Извѣстные примѣрною честностію, они недавно начали охранять желѣзными замками свое имущество. Воровство было чуждо даже въ предпоследнемъ поколѣніи.

Въ лѣсахъ я никогда не слыхалъ, чтобы кто нибудь рѣшился воспользоваться чужою добычею, обыкновенно оставляемою близъ зимовьевъ *).

Главный промыселъ зырянъ — звѣроловство: ловятъ лисицъ, куницъ, горностаевъ, медвѣдей, волковъ и росомахъ, изрѣдка рысей и выдръ; всего же болѣе стрѣляютъ бѣлокъ и рябчиковъ. Въ осенній и весенній промыслы настрѣливаютъ въ одномъ Устьысольскомъ уѣздѣ бѣлокъ отъ 500,000 до 600,000 штукъ, рябчиковъ отъ 40,000 до 80,000 паръ, и преимущественно въ вычегодскомъ и печорскомъ краяхъ.

*) Зимовьемъ называются избы, построенныя въ лѣсу, гдѣ на большое пространство нѣтъ деревень; а также избы въ лѣсахъ для промышленниковъ. Въ нихъ можетъ помѣститься нѣсколько человекъ. Въ сѣверныхъ лѣсахъ не трудно и не стрѣлявъ имѣть обѣдъ изъ дичи. Возлѣ зимовья непременно найдешь пестеръ (берестяная корзина) съ рябчиками и котель. Запоздалый путникъ можетъ взять нѣсколько паръ рябчиковъ, оставивъ въ корзинѣ за нихъ деньги хозяину.

Лѣсъ—ихъ стихія, и они въ глуши его ходятъ, какъ по знакомой тропѣ; въ ясный день солнце, въ ненастный—сучья и кора дерева *) указываютъ имъ дорогу. Добравшись до пріюта, иногда уже поздно ночью раскладываютъ огонь, поѣдятъ чего нибудь и принимаются снимать шкурки съ бѣлокъ.

Пушной товаръ отправляется самими торговцами и черезъ крестьянъ въ Устьсыольскъ, куда въ ноябрѣ, къ Георгіевской ярмаркѣ, продолжающейся нѣсколько дней, возятъ рябчиковъ и бѣлокъ партіями крестьяне-торговцы и частью сами промышленники. Затѣмъ часть рябчиковъ отправляется въ С.-Петербургъ и часть въ Москву. Пушной товаръ съ верховьевъ Вычегды и Печоры идетъ также иногда значительными партіями въ Чердынъ, откуда крестьяне привозятъ на обмѣнъ соль и другіе товары.

Жители береговъ Вычегды занимаются и хлѣбопашествомъ.

Второстепенные промыслы зырянъ: рыболовство, сборъ кедровыхъ орѣховъ, работы на заводахъ и оленеводство.

Самая дорогая рыба Вычегды и Сѣверной Двины—стерлядь.

Кромѣ осетра и стерляди, главнѣйшія рыбы здѣшнихъ рѣкъ и озеръ: семга, особенно вкусная въ рѣкѣ Печорѣ, сиги, корюшка, щуки, караси, налимы, окуни и ерши.

Рыбаки-зыряне ведутъ жизнь еще болѣе уединенную, нежели охотники. Они отправляются на промыселъ или по одиночкѣ, или съ однимъ работникомъ; выходятъ весною, при первой возможности, и берутъ съ собою соль, муку, крупу, рыболовные и охотничьи снаряды, кухонную посуду и плотничьи инструменты. Домъ же оставляютъ на попеченіе жены. Тамъ, гдѣ уловъ предполагается прибыльнымъ, рыбаки устраиваютъ себѣ временной балаганъ.

Опаснѣйшій хищникъ для рыбака—медвѣдь, онъ иногда забирается въ самый балаганъ или избу, проломивъ дыру въ крышѣ, и поѣсть всю рыбу. Рыбакъ безпрестанно на воздухѣ,—разъѣзжаетъ по рѣкѣ отъ одного мѣста до другаго, ночуетъ большею частію подъ открытымъ небомъ, и только изрѣдка возвращается въ избу, находящуюся при балаганахъ, гдѣ напекаетъ себѣ хлѣба, парится въ банѣ и снова обращается къ своимъ занятіямъ.

*) На деревѣ въ сѣверной сторонѣ сучья короче и рѣже, а цвѣтъ коры темнѣе.

Кедровыя деревья, величаво поднимающіяся среди лѣса, составляютъ также довольно важный предметъ дохода окрестныхъ жителей. Собираніе кедровыхъ орѣховъ производится обыкновенно осенью. Промышленникъ отправляется въ лѣсъ съ топоромъ. Найдя кедръ, обильный шишками, онъ его срубаетъ и обираетъ до-чиста; прячетъ свой сборъ и идетъ искать новой жертвы. Кромѣ бѣлокъ, опасна кедрамъ кедровка, небольшая птица, которая питается кедровыми орѣхами. Если она нападаетъ на орѣховый складъ, то съ необыкновенною быстротою перетаскиваетъ его въ свою запасную кладовую. Въ такихъ кладовыхъ нерѣдко находили до пуда орѣховъ.

Зыряне умны, расчетливы, смѣлы, ихъ орлиный носъ, атлетическіе члены, смѣлый взглядъ, вѣрная походка бросаются въ глаза и напоминаютъ о разности происхожденія ижемскихъ и печорскихъ зырянъ. Въ послѣднее время они стали разводить оленей и извлекаютъ изъ полярной тундры такую пользу, какой никто не могъ ожидать до ихъ прібытія. Въ ясную погоду и днемъ зырянинъ ввѣряетъ прісмотръ за стадомъ пастуху-самоѣду; но въ туманъ, дождь или мятель онъ бодрствуетъ при немъ лично, день и ночь на запряженныхъ нартахъ со своими собаками; смѣло отгоняетъ волковъ, и какъ бы далеко ни отошли олени отъ чума, онъ непременно ихъ отыщетъ и пригонитъ назадъ.

Словомъ, изъ всего, что извѣстно объ этомъ народѣ, можно думать, что ему предназначено занять видное мѣсто между многочисленными племенами Россійской имперіи.

Ж—ни.

ЗЫРЯНЕ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 сентября 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. № 11—2.